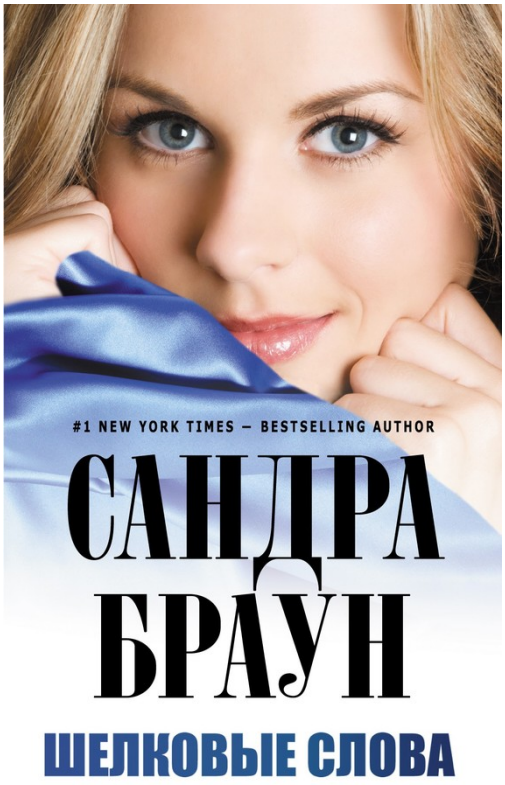
#1 NEW YORK TIMES – BESTSELLING AUTHOR
САНДРА БРАУН
ШЕЛКОВЫЕ СЛОВА

Сандра Браун

Шелковые слова

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129496
Браун С. Шелковые слова : Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71332-5

Аннотация

Жизнь Дика Сарджента изменилась в ту минуту, когда он застрял в лифте с прекрасной незнакомкой. Учительница начальных классов Лейни Маклауд, отправляясь в Нью-Йорк, не знала, что ей предстоит пережить самый ужасный день и самую восхитительную ночь в своей жизни. И лишний раз убедиться на собственном опыте, что настоящая любовь способна творить чудеса!

Книга также выходила под названием «Невидимая связь».

Содержание

1 5
2 15
3 23
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Сандра Браун
Шелковые слова

Моим четырем сестрам: Мелани, Джо, Лори и Дженни – каждая из вас прекрасна по-своему.

Sandra Brown
WORDS OF SILK
© 1984 by Sandra Brown
By arrangement with Maria Carvainis Agency. Inc. and Prava i Perevodi Ltd. Translated from the English Words of Silk
© 1984 by Erin St. Claire. First published in the United States under the pseudonim Erin St. Claire by Silhouette Books, New York. Reissued in 2004 under the name Sandra Brown by Warner Books / Grand Central Publishing, New York.
© Перцева Т., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

1

С толчком, грозившим переломать пассажирам все кости, лифт завис между этажами. И в ту же секунду погас свет. Ничто не предвещало случившегося: не было ни режущего уши скрежета троса о шестерни, ни зловещего мигания лампочек. Ничего.

Всего минуту назад кабинка бесшумно двигалась вниз, а сейчас обоих пассажиров поглотила непроглядно-черная тишина.

– Ого! – заметил мужчина, судя по выговору, коренной ньюйоркец, уже привыкший к грубым шуткам, которые так часто играл город со своими жителями. – Очередная авария.

Лейни Маклауд промолчала, хотя мужчина, очевидно, ожидал ответа. Она буквально кожей почувствовала, как он повернулся и взглянул на нее. Парализованная страхом Лейни лишилась дара речи одновременно со способностью двигаться.

Она пыталась убеждать себя. Твердила, что всему виной клаустрофобия, из-за которой любая подобная ситуация казалась невыносимой, что в конце концов все выживут, что такой безрассудный ужас – ребячество, граничащее с абсурдом.

Но никакие уговоры не помогали.

– Эй, вы как? В порядке?

«Нет! Не в порядке!» – хотелось ей закричать, но голосовые связки словно оледенели. Ее ухоженные ноготки впились в мгновенно вспотевшие ладони.

Она вдруг осознала, что и стоит, сжав кулаки и зажмурившись, и вынудила себя поднять веки. Но это ничего не изменило: в удушливом крохотном пространстве лифта элитного жилого дома по-прежнему не было света.

Собственное хриплое дыхание эхом отдавалось в ушах.

– Не волнуйтесь. Это ненадолго.

Лейни взбесило его спокойствие. Почему он не паникует?

И откуда он знает, что это ненадолго? Ей хотелось бы знать поточнее. Потребовать, чтобы он гарантировал включение света в самом скором времени. Устранение подобных аварий может занять часы или длиться днями, ведь верно?

– Знаете, мне было бы спокойнее, если бы вы хоть что-то сказали. Так вы в порядке, верно?

Она не увидела, а ощутила шарившую в темноте руку. Всего за секунду до того, как рука легла на ее плечо, Лейни подскочила.

– Все нормально, – заверил он, отдернув руку. – У вас клаустрофобия?

Она лихорадочно закивала, вопреки всякой логике считая, что он увидит. Но незнакомец, должно быть, что-то почувствовал, потому что его голос приобрел успокаивающие интонации:

– Тревожиться незачем. Если в следующие несколько минут электричество не дадут, пожарные начнут искать людей, застрявших в лифте.

До нее донеслось легкое дуновение. Послышался шелест ткани.

– Я снимаю пиджак и предлагаю вам сделать то же самое.

Минуту назад, когда мужчина только вошел в лифт, она лишь мельком взглянула на него, успев составить приблизительный портрет: седые волосы, высокая стройная фигура, одет с тщательной небрежностью, костюм подчеркнуто простой, чтобы не показаться безумно дорогим и вычурным. Она отвела глаза и молча стала следить, как вспыхивают цифры на табло, отсчитывавшем этажи.

Лейни чувствовала, что он разглядывал ее несколько мгновений после того, как вошел, хотя тоже не произнес ни слова.

Оба пали жертвами неловкости, которая обычно возникает между незнакомыми людьми, оказавшимися в одной кабине лифта. В конце концов он последовал ее примеру и тоже уставился на табло. Теперь она услышала, как его пиджак упал на мягкое ковровое покрытие.

– Может, вам помочь? – спросил он с вымученной жизнерадостностью, когда она не двинулась с места. Сделав шаг в направлении тяжелого неровного дыхания, он поднял руки. Послышался глухой стук – Лейни, инстинктивно отпрянув, ударилась спиной о панель стенки. Он коснулся ее закаменевшего тела и нерешительно нащупал плечи.

– Эй, – прошептал он голосом мягче шелка. – Все будет хорошо.

Он ободряюще сжал неподатливые плечи и подступил еще ближе.

– Что вы делаете? – выдавила Лейни, хотя еще секунду назад была уверена, что язык ее не слушается.

– Помогаю вам снять пальто. Чем жарче вам становится, тем тяжелее дышать, и скорее всего, скоро вы начнете задыхаться. Кстати, меня зовут Дик.

Ее жакет от костюма, купленного в «Сакс»[1] только вчера, был снят и безжалостно брошен на пол.

– А вас как зовут? Это что, шарфик?

– Лейни.

Она подняла налитые свинцом руки и завозилась, то и дело сталкиваясь с его пальцами.

– Да. Я развязала.

С трудом распутав узел, она отдала ему шарф.

– Лейни. Необычное имя. Может, вам следует расстегнуть пару пуговиц? Вряд ли эта блузка пропускает воздух. Шелк?

– Да.

– Очень красивый. Голубой, насколько я помню.

– Да.

– Вы не из Нью-Йорка, – небрежно заметил он, трудясь над манжетами ее блузки. Ловко расстегнув перламутровые пуговки, он закатал рукава блузки до локтей.

– Да. Я приехала погостить на неделю и должна уехать утром.

– Ваши знакомые живут в этом здании?

– Да. Университетская подруга, с которой мы жили в одной комнате в колледже, с мужем.

– Понятно. Ну, теперь вам стало полегче, верно?

Он поправил ее расстегнутый воротничок. Легонько коснулся талии обеими руками.

– Не хотите присесть?

– Нет!

Черт возьми! Дик Сарджент выругал себя за напор. Нельзя же еще сильнее пугать и без того до смерти напуганную женщину! Она по-прежнему стояла, прилипнув спиной к стене, словно готовясь к встрече с расстрельной командой. И дышала так тяжело, будто каждый вздох мог стать последним.

– Ладно, Лейни, все хорошо. Вы меня не так…

Свет неуверенно замигал, затем разгорелся в полную силу. Мотор лифта, недовольно заурчав, снова заработал. Новый толчок лифта, на этот раз мягкий, – и кабина тронулась.

Двое незнакомых людей, стоявших почти нос к носу, смотрели друг другу в глаза. Прищуренные глаза. Она была бледна как полотно. Его глаза выражали участие.

---

[1] Saks Fifth Avenue – знаменитая сеть мультибрендовых магазинов. Компания выросла из магазинчика Эндрю Сакса, основанного еще в 1867 году. Сегодня в 23 странах мира работает 47 магазинов компании. Магазины сети предлагают товары класса люкс: Prada, Chanel, Gucci, Giorgio Armani и других известных марок.

Смущенно улыбнувшись, он снова приобнял ее за плечи. Судя по виду, она вот-вот разлетится на миллион осколков.

– Вот! Видите! Говорил я вам! Все обошлось!

Но вместо того, чтобы ответить сдержанной улыбкой и с холодной вежливостью поблагодарить мужчину за снисходительность к ее дурацкому поведению, а заодно и привести в порядок одежду, она вдруг кинулась к нему на грудь и отчаянно зарыдала. Перед его накрахмаленной рубашки смялся в ее крепких влажных кулачках. Послышались жалобные всхлипывания. Он чувствовал, как конвульсии сотрясают ее тело.

Видит бог, она сдерживалась до последнего. Но когда опасность миновала, нервы капитулировали перед ужасом кромешной тьмы в замкнутом пространстве.

Лифт плавно остановился на первом этаже. Дверь почти бесшумно распахнулась. Сквозь стеклянные окна вестибюля Дик видел снующих в обе стороны пешеходов. На авеню машины стояли в пробке: светофоры все еще не работали. На мостовых воцарился хаос.

– Мистер Сарджент, – начал швейцар в ливрее, спеша к лифту.

– Все в порядке, Джо, – коротко бросил Дик, подумав: «Не хватало еще, чтобы эту женщину в ее состоянии выбросили на улицу». Он предпочел ничего не объяснять швейцару. – Я снова поднимусь наверх.

– Вы были в лифте, сэр, когда…

– Да. Но все обошлось.

Он прислонил Лейни к стене кабины, дотянулся до кнопки «закрыть дверь» и еще одной, с цифрой «22». Двери закрылись, и лифт бесшумно взлетел наверх. Но женщина бессильно обмякла в его руках и, казалось, ничего не замечала, сотрясаемая тихими всхлипами.

– Все хорошо. Все в порядке. Вы в безопасности, – бормотал Дик, прижимая ее к себе. От нее исходил незнакомый, но очень приятный аромат, и еще ему нравилось чувствовать прикосновение ее волос к своей шее и подбородку.

Лифт открылся на его этаже. Прижав Лейни к стене, чтобы не дать упасть в обморок, он нагнулся, поднял их сброшенную одежду, шарфик и дамскую сумочку и перебросил их через порог лифта. Затем подхватил женщину на руки и понес по коридору к угловой квартире, где осторожно поставил на ноги.

– Ну вот, почти пришли, – прошептал он, вынимая ключ из кармана брюк. Дверь широко распахнулась. Он снова поднял женщину на руки, вошел и уложил ее на диван, в мягких подушках которого она немедленно утонула.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но она умоляюще подняла руки, словно просила его остаться.

– Я сейчас вернусь, – пообещал он и почти машинально коснулся губами ее лба. Но тут же метнулся к двери, нажал кнопки сигнализации, которая иначе сработала бы уже через пятнадцать секунд. После чего сходил и поднял сваленную кучей на полу одежду и сумочку. Вернувшись, он вновь запер дверь, включил скрытое освещение и отрегулировал яркость. Комната погрузилась в мягкое бледно-золотое сияние.

В три больших шага Дик пересек комнату, опустился на колени перед диваном, взял лицо женщины в свои ладони и принялся растирать ей щеки.

– Лейни?

Ее глаза все еще были закрыты, но открылись, едва он заговорил.

– Как вы?

Она отрешенно смотрела на него. Две прозрачные капли катились по щекам. Неожиданно для себя она закрыла лицо руками и стала всхлипывать.

– Я т-так испугалась. Все это так глупо, по-детски. Знаю. Клаустрофобия.

– Шшшш… – прошептал он, вставая с колен, усаживаясь на диван рядом с ней и обнимая так, что она вжалась лицом в его шею. – Все кончено. Вы в безопасности.

Он погладил ее по волосам, поцеловал в висок. Потом еще раз поцеловал. Рука его плавно скользнула вниз по ее спине, и девушка невольно подалась к нему.

Дик резко отпрянул и прокашлялся.

– Кх-кхе, что вам сейчас не помешает, так это бокал бренди.

Кто-кто, а уж он точно сейчас не отказался бы от глотка хорошего бренди. Поэтому медленно высвободился из ее рук, подошел к небольшому угловому бару и плеснул ароматный напиток в два коньячных бокала, стараясь краем глаза следить за девушкой. Похоже, со слезами она выплакала не только панику, но и все силы. Она повернулась на бок, подобрала под себя ноги и прижалась щекой к сиденью.

«Бывает же такое…» – подумал он с кривой ухмылкой. Дик Сарджент спас даму в лифте? Да еще настоящую красотку, которая затем позволила отнести себя в его квартиру и оказалась полностью в его власти! Изумленно покачивая головой, он направился к дивану. Просто невероятно!

Но что еще он мог сделать? Выгнать ее на улицы Манхэттена в полуобморочном состоянии? А что ему теперь-то с ней делать??

Почему ему в голову не пришло обзвонить других жильцов и попытаться найти друзей, которых она навещала? Какое она к нему имеет отношение? Впрочем, сейчас не время размышлять о причине завладевшего им собственнического инстинкта. Почему он вообразил, будто она принадлежит ему? Наверное, его чувство как-то связано с трогательным изгибом ее бедра, когда она лежала, свернувшись на его диване, и с ее медово-золотистыми волосами, разметавшимися по бархатным подушкам мандаринового цвета.

– Вот, Лейни, выпейте это.

Он снова сел рядом и, поддерживая ее голову, поднес бокал к нежным губам. Ее ресницы, затрепетав, поднялись. Голубые глаза, взгляд которых был по-прежнему блуждающий и растерянный, но все-таки уже не затравленный, остановились на Дике, прежде чем она глотнула лучшего в мире бренди.

Однако изысканный вкус его любимого напитка не был оценен по достоинству, скорее напротив – лицо девушки комично сморщилось, и она закашлялась; Дик тихонько усмехнулся. Трудно назвать ее искушенной женщиной, хотя прекрасно сшитый костюм из шелка-сырца указывал на тонкий вкус.

– Еще? – спросил Дик.

Лейни кивнула и, как ни странно, накрыла его руку своей и поднесла вместе с бокалом к губам. И стала пить бренди мелкими глоточками до последней капли. Откинула голову на сиденье и глубоко вздохнула. Жест был совершенно невинный, но при этом грудь приподнялась, и ее соблазнительные очертания под облегающей блузкой возбудили в Дике далеко не столь невинные желания.

Поставив ее бокал на полированный журнальный столик, он одним глотком осушил свой. Да, принимая во внимание состояние, в котором находится женщина, глазеть на нее просто неприлично, но он ведь всего лишь мужчина и никогда не делал вид, будто обладает сверхъестественной волей.

Дик продолжал изучать полулежавшую на подушках дивана расслабившуюся Лейни: голова откинута, шея беспомощно выгнулась, ресницы опущены, влажные от дорогого бренди губы источали терпкий аромат. Лицо слишком угловатое, чтобы считаться по-настоящему красивым. Нос немного коротковат. Рот…

Но лучше не слишком задерживаться на недостатках ее рта…

Шея длинная, стройная, ключицы изящные. В треугольнике между ними бился ровный, но чуть убыстренный пульс. Груди под блузкой выглядели такими мягкими и естествен-

ными – так и просились в руки. Хотя она и носила нижнее белье. Он видел краешки тонкого кружева-паутинки и бретельки. Талия была неправдоподобно тонкой, как у модели. И бедра тоже стройные. Судя по тому, что он успел увидеть, ее красивые ножки затянуты в светлые чулки. У него даже руки зачесались, так захотелось их погладить!

На мыске бежевых замшевых лодочек блестящей нитью вышиты бабочки.

Под его пристальным взглядом она поддела одной туфлей другую и сбросила их. Они почти бесшумно упали на толстый ковер.

Он с трудом отвел глаза от ее ног и уставился ей в лицо. Она смотрела на него без какого-либо интереса к нему и к окружающей обстановке. И вдруг она произнесла:

– Я не могла дышать.

Ровные белые зубы прикусили дрожащую нижнюю губу.

Он коснулся ее волос. Провел пальцем по щеке.

– Конечно, это было ужасно. Но сейчас все позади.

– Было так темно…

Ломкий голос оборвался на полуслове. Она снова зажмурилась.

Дик поспешно обнял ее.

– Вы просто испугались. Мне очень жаль.

Она доверчиво прильнула к нему, такая трогательно-податливая, что он мысленно застонал, потому что его тело среагировало мгновенно. Она вдруг стала не просто пострадавшей, нуждавшейся в утешении и понимании. Она превратилась в мягкую, нежную и хрупкую, такую желанную женщину, словно предназначенную для его объятий!

Он окликнул ее.

Она подняла голову. И он утонул в ее серо-голубых глазах цвета тумана, расстилавшегося утром над океаном. Широко раскрытые и умоляющие.

– Не отпускайте меня.

– Не отпущу, – поклялся он.

Она, казалось, немного успокоилась и зарылась лицом в его шею. Когда ее губы заскользили по его коже, это прикосновение, словно удар током, отозвалось во всем его существе, достигнув мужского начала. – Я буду держать тебя крепко.

Сам того не сознавая, он осыпал легкими поцелуями ее лицо и волосы. Казалось таким естественным приподнять ее подбородок, откинув голову! Его губы чуть коснулись уголков ее рта, прежде чем прижаться к губам. Он вдохнул запах бренди, все еще витавший вокруг. Только евнух на его месте мог бы сдержаться! Дик никогда таковым не был.

Он страстно поцеловал Лейни. И ощутил, как она на мгновение напряглась, но тут же расслабилась в его объятиях. Он медленно раскрыл ее губы языком и скользнул внутрь. Сначала нерешительно. Но когда она в ответ коснулась его языка своим, он потерял всякое самообладание. Тихо зарычав, он стал более настойчивым. Его язык исследовал ее сладкий рот, всюду касаясь и лаская.

Ее руки захватили пригоршни полотна рубашки, безжалостно смяв. От наслаждения она постанывала. Боже, неужели ему снился восхитительный эротический сон?

Он провел ладонью по ее горлу, намереваясь обнять еще крепче. Но ее грудь оказалась слишком большим искушением, и он стал нежно гладить упругий холмик. И лишь усилием воли оторвал руку.

– Так хорошо… пожалуйста, еще…

Он резко вскинул голову, и Лейни словно пронзило недоверчивым взглядом зеленых глаз. Женщины, обычно наслаждавшиеся его ласками, считали себя весьма чувственными и умудренными жизнью. Они любили играть в сексуальные игры, в которых каждому была отведена своя роль, и каждый проговаривал свои диалоги. Каждый получал свое, отдавая ровно столько, сколько получил. Дик впервые в жизни слышал столь честную прямую

просьбу. Не требование каким-то хитроумным способом ублажить партнера, а тихий комплимент его ласке и мольба продолжать.

Он не сводил глаз с лица Лейни, когда его рука снова легла на ее грудь и стала ласкать ее круговыми движениями.

Веки Лейни медленно опустились. Она глубоко вздохнула, легкая улыбка искривила чувственные губы. Он смело подобрался к соску и даже сквозь блузку и лифчик ощутил его отклик.

– Господи, Лейни… – хрипло прошептал он, прежде чем снова припасть к ее губам. Поцелуи и ласки становились все более страстными. Он настойчиво изучал ее тело, находя интригующие изгибы и впадины, упиваясь шорохом одежды, делавшим ласки еще более запретными и волнующими.

Узкий, сковывающий их движения диван раздражал Дика. Он поднялся и увлек Лейни за собой. Она потянулось было вверх, но покачнулась и тяжело упала на него. Это привело Дика в чувство. Если бы его тело не горело желанием, он посмеялся бы над собой и ситуацией.

Да она же пьяна! И не от мгновенно вспыхнувшей страсти, а от почти целого бокала бренди! Даже пережитая сегодня психологическая травма не объясняет ее отсутствующего взгляда.

Он вздохнул, назвал себя дураком и постарался охладить свой пыл.

– Пойдем, Лейни. Я уложу вас в кровать.

Он схватил ее за плечи, отстранил и вгляделся в ее лицо – Лейни торжественно кивнула. Он взял ее за руку и повел в спальню. Она послушно, как ребенок, побрела за ним.

Дик включил свет:

– Подождите. Я расстелю постель.

Он прислонил ее к косяку, шагнул к широкой кровати, откинул голубое замшевое покрывало, кое-как швырнул декоративные подушки в большое кресло, взбил оставшиеся и разгладил безупречно чистые, золотисто-коричневые простыни.

– Ну вот, теперь можно…

Слова замерли на губах. Она по-прежнему стояла у двери. Но вокруг уже возвышалась небольшая горка одежды. Пока он занимался постелью, она успела снять юбку и блузку. Когда он повернулся, она как раз выступила из нижней юбки.

Окаменевший Дик наблюдал, как она снимает с идеальных ножек прозрачные колготки и остается в лоскутках, которые с большой натяжкой можно было назвать бюстгальтером и трусиками. Ее тело одновременно казалось и стройным и женственным.

Никто из коллег не поверил бы, что Дик Сарджент способен лишиться дара речи. Но он стоял и пялился на нее, словно подросток, увидевший первую в жизни обнаженную женщину.

В горле пересохло. Он перебывал в постели со столькими соблазнительными красотками, что и пересчитать невозможно. И большинство из них он раздевал сам. У него были ловкие и ласковые руки. Он мог избавить леди от одежды, прежде чем та поняла, что происходит. Но Лейни сумела застичь его врасплох, и ему ничего не оставалось, кроме как глазеть, разинув рот. Но самой большой загадкой оставалось то, что она не пыталась его завлечь – просто сняла одежду.

Проходя мимо него к кровати, Лейни скромно улыбнулась, легла и доверчиво прижалась щекой к подушке.

– Никто не поверит, что я отказался от такого! – буркнул себе под нос Дик и улыбнулся Лейни: – Доброй ночи, Лейни, кем бы ты ни была.

Он поцеловал ее в щеку, выпрямился, машинально потянулся к выключателю ночника и нажал кнопкум – свет погас.

– Нет! – Она вскочила, тяжело дыша и беспомощно шаря руками в поисках Дика.

– Прости, – пробормотал он, проклиная собственную глупость и садясь на постель. Он снова обнял ее, остро ощущая рядом почти нагое тело, отчего мгновенно проснулись все мужские желания.

– Побудь со мной. Ты обещал, – всхлипнула она, обхватив его шею и прильнув к нему всем телом. Ощущая ее полные груди, Дик мгновенно представил их без бюстгальтера: зрелые, полные, с темными сосками. – Ты же сказал, что не уйдешь.

– Лейни! – простонал он. В его душе совесть и требования плоти бились не на жизнь, а на смерть. – Ты не понимаешь, что творишь…

– Пожалуйста!

Он позволил себе лечь рядом. «Только на минуту. Только пока она не заснет», – твердил он себе.

Однако она все крепче обнимала его, и мольбы ее были столь нежными и настойчивыми, что заглушили протесты его совести. Руки его начали ласкать ее – но уже не для того, чтобы утешить и успокоить. Он хотел утолить свою жажду. Ее кожа под его пальцами была такой бархатистой и теплой! Губы его отыскали в темноте ее губы и слились с ними в жарком, страстном поцелуе.

О боже!

Они не должны этого делать. Он ничего не знал о ней. А вдруг она замужем?

Но он уже проверил ее безымянный палец. Кольца не было, хотя этот факт ни черта не значит. Для нее это, может быть, не столь существенно. А вот он может попасть в крупную передрягу. Представить страшно, какой будет скандал, если на рассвете сюда ввалится разъяренный муж с отрядом спецназа и фотографами!

В его голове пулями свистели предостережения. Но ее сладкий рот и нежная кожа заглушали голос разума.

О нет! Дик Сарджент не был святым. Он отнюдь не чурался грязных трюков и всяческих махинаций, чтобы добиться желаемого. Но никогда так откровенно не пользовался беспомощным положением женщины. Она пьяна и не соображала, что делает.

Зато он знал и чувствовал все каждой клеточкой. И это было великолепно!

Он ведь гораздо старше ее. Лет на пятнадцать, не меньше.

Гореть ему за это соблазнение в аду веки вечные. Но какая разница! Он уже охвачен огнем!

Лейни просыпалась постепенно. Подняла веки. Раз. Другой. Зевнула. Снова лениво сомкнула и разомкнула веки.

И тут же ахнула. На ее подушке лежит чья-то голова! Совершенно незнакомый мужчина!

Незнакомец мгновенно проснулся и прошептал:

– Доброе утро.

Лейни пронзительно вскрикнула и попыталась отодвинуться. Но их ноги переплелись, а ее колено… господи милостивый! Зато его рука по-хозяйски тяжело лежала на ее груди. Лейни отпихнула ее и вертелась, пока не сумела откатиться от незнакомца на безопасное расстояние. Он смотрел на нее так, словно она свихнулась, и моргал зелеными глазами, необычно яркий оттенок которых она даже в почти истерическом состоянии не смогла не заметить.

Лейни забилась в угол кровати и съежилась, издавая нечто вроде плача раненого животного. Потом еще раз вскрикнула и судорожно подтащила простыню к подбородку – она не сразу поняла, что они оба были совсем голыми.

– Кто вы и где я? – выдохнула она. – Если немедленно не объяснитесь, я звоню в полицию.

Угроза была смехотворной, и Лейни это знала. Она понятия не имела, какой адрес продиктовать по телефону службы спасения. Не говоря уже о том, где в этой квартире стоит телефон!

– Успокойтесь, – увещевал он, протягивая руку. Но она сжалась и отползла еще дальше. Он тихо выругался.

– Неужели не помните, как попали сюда?

– Нет, – коротко ответила она. – Знаю только, что пришла не по собственной воле. Кто вы?

Он снова выругался и потер широкую, поросшую волосами грудь.

– Я так боялся, что вы не вспомните! – озадаченно пояснил он. – Вы выпили слишком много бренди!

– Бренди? – произнесла она одними губами. – Вы накачали меня бренди? И что еще? Наркотики?

Судя по паническим ноткам, она вот-вот потеряет остатки самообладания.

– Позвольте объяснить.

– Немедленно! Немедленно объясните! И где моя одежда?

Он откинул простыню и встал. Она побледнела при виде его мужской силы. Он успел сделать два шага к стенным шкафам, прежде чем она снова испуганно вскрикнула и зажала рот рукой, рассматривая коричневато-красные пятна на простынях. Подняла невидящие глаза на него, и он смущенно что-то проворчал, умоляюще разводя руки и явно не сознавая, что стоит перед ней голым.

– Откуда мне было знать, что вы девственница? А потом уже было слишком поздно, Лейни.

Она медленно отняла дрожащую руку от побелевших губ.

– О-откуда вы знаете мое имя?

Он с недоуменным и несколько грустным видом покачал головой, подошел к шкафу, вынул белый махровый халат, вернулся к кровати и протянул халат ей. Когда она не пошевелилась, он положил халат на кровать и отвернулся.

– Мы познакомились в лифте. Не помните, как мы там оказались вместе?!

Она поспешно натянула халат и туго стянула поясом. Он тем временем шарил в ящике и наконец вытащил пижамные брюки. Надел и выпрямился, хотя не был похож на человека, привыкшего надевать пижамку на ночь. Снова повернулся к ней лицом и спросил:

– Не помните, как садились в лифт?

Она поднесла кончики пальцев к пульсирующему болью виску и стала его массировать, пытаясь вспомнить вчерашний день. Хоть что-нибудь.

Да. Вчера вечером она навестила Салли и Джеффа. Они так хорошо провели время. Виды Нью-Йорка. Потрясающий обед и великолепный коктейль «Бархатный молоток» на десерт. Две порции? Потом… Да. Они попрощались у двери, она со смехом обняла Салли и Джеффа, потом… Ничего.

– Вы сказали, что были в гостях у друзей, которые живут в этом здании, – тихо подсказал незнакомец, дав ей достаточно времени, чтобы собрать воедино осколки и обломки воспоминаний.

– Я вошел в лифт вслед за вами. Внезапно погас свет. На несколько минут мы застряли. Всего несколько минут. Не больше. Но вы были в ужасном состоянии, бились в истерике, и я не мог вас бросить или выкинуть на улицу. Я привел вас сюда. Решил взбодрить бренди. Подставил жилетку, пока вы плакали. Вы…

– Это не объясняет того факта, что я проснулась в вашей кровати после изнасилования.

– Изнасилования? – вспылил он.

– Именно! Я бы ни за что не легла с вами в постель добровольно!

Под ее возмущенным взглядом ему все-таки удалось взять себя в руки. Лицо окаменело от гнева и раздражения. Он провел рукой по волосам с седыми прядками, прекрасным волосам, так красиво оттенявшим темную загорелую кожу и удивительные зеленые глаза.

– Вы, надеюсь, знаете о своей клаустрофобии? – осведомился он наконец.

Она сухо кивнула.

– Сейчас в вашей голове полная неразбериха, а в памяти воспоминания о событиях вчерашнего вечера путаются, потому что вы были шокированы. – Его черты смягчились, но она не понимала, чего боится больше: его гнева или нежности. Но почувствовала, что способна покориться и тому, и другому. – Что касается так называемого изнасилования, – мягко добавил он, глядя на предательские пятна, – уверяю, что не делал ничего против вашего желания.

Она тихо всхлипнула.

– Я бы хотел поговорить с вами обо всем этом. Спокойно. За чашкой кофе.

Он подошел к смежной двери.

– Здесь ванная комната. Наверное, вы хотите принять душ. Я принесу вашу одежду или можете остаться в халате, если лень одеваться. А я пока сварю кофе, и мы постепенно сложим недостающие кусочки головоломки, пока вы не увидите всю картинку. Договорились?

Ни о чем они не договаривались. Но она все же согласно кивнула.

Он скрылся за дверью, но очень быстро вернулся с охапкой ее безнадежно помятой одежды, туфлями и сумочкой, после чего молча вышел и закрыл за собой дверь.

Лейни не стала тратить время впустую. Спрыгнув с постели, она ринулась в ванную. Включила душ, но не встала под воду. Пусть думает, что она в душе! Чтобы восстановить душевное, да и физическое равновесие, ей было достаточно холодной воды в раковине.

Боже! Что она наделала? Отправившись в Нью-Йорк всего-то на недельку, она умудрилась напиться какой-то убийственной гадости под названием «Бархатный молоток» и попасть в постель – В ПОСТЕЛЬ – с совершенно незнакомым мужчиной!

Она еще не успела по-настоящему осознать весь ужас совершенного…

Дрожащими руками она натянула юбку и трусики, а остальное нижнее белье запихнула в сумочку, чтобы не тратить времени. Затем трясущимися руками она принялась натягивать на себя колготки, блузку и костюм.

Кто он?

Впрочем, она не знает и знать этого не хочет.

Лейни осторожно открыла дверь и выглянула. Где-то бубнил радиодиктор, сообщавший погоду на сегодня. Хороший день, чтобы убраться из города ко всем чертям!

Она прокралась к входной двери. Проходя мимо кухни, она увидела спину хозяина, варившего кофе. Похоже, он ничуть не расстроен и держался с самодовольством мужчины, заманившего женщину в свою постель, а потом и в свой душ.

Очевидно, сцены, подобные сегодняшним, были для него достаточно часты и привычны.

– Прощайте, мистер Как-Вас-Там, – прошептала она одними губами, выскальзывая за дверь. На цыпочках подкралась к лифту и нажала кнопку. Кабина целую вечность поднималась на двадцать второй этаж и еще дольше спускалась в вестибюль. Заметил ли он ее отсутствие? А что, если позвонил швейцару, чтобы тот задержал ее?

Лейни промчалась мимо швейцара, который жизнерадостно пожелал ей доброго утра. Не останавливаясь, она пробежала два квартала, прежде чем рискнула остановиться, перевести дух и поймать такси. Если поторопиться, она сумеет вернуться в отель, сложить вещи и успеть в «Ла-Гуардия» на свой рейс.

Голова Лейни упала на жесткий виниловый чехол сиденья. Такой усталости она раньше никогда не чувствовала. Тело непривычно ныло в тех местах, о которых не принято говорить вслух. Хотела бы она игнорировать эту боль!

Интересно, как могло все это случиться без ее ведома?

Лейни зажмурилась и постаралась подавить любопытство. Но ничего не выходило.

Наверное, он был с ней нежен, иначе она бы запомнила боль. Но как он уговорил ее, Лейни Маклауд, заняться с ним любовью?

– О боже, – вздохнула она, закрыв лицо руками. Неизвестно, жалеть ли ей о том, что она ничего не помнит, или что теперь должна искупить вину и отвечать за все последствия?

Кто он? А вдруг женат? Или чем-то болен? Или извращенец?

Она невесело хохотнула. Большинство женщин посчитали бы, что ей чертовски повезло.

По крайней мере, самого страшного с ней не произойдет. Ее неспособность иметь детей была щитом, ограждавшим от всяких отношений с мужчинами. Причиной того, что до сих пор она оставалась одна.

Лейни почти радовалась своему бесплодию. И хотя, возможно, ей придется немало вынести из-за вчерашней ночи, она, по крайней мере, точно не забеременеет!

2

– Вы беременны, мисс Маклауд.

Лейни тупо уставилась на доктора, но, немного опомнившись, рассмеялась:

– Невозможно.

Он отечески улыбнулся.

– Вполне возможно. Я бы сказал, что вы на десятой неделе. Неужели ничего не подозревали?

Она качала головой: упрямо, нетерпеливо.

– Вы не понимаете! Это невозможно. Я бесплодна. В тринадцать лет у меня был аппендицит. Я перенесла вторичную инфекцию мочеполовых путей, которая уложила меня в постель на несколько недель. Мне официально поставили диагноз – бесплодие. Доктор сказал мне и моей матери, что я никогда не смогу иметь детей.

Доктор пожал плечами и широко улыбнулся.

– Значит, он ошибся!

– Я пришла сюда из-за обычного желудочного гриппа, – процедила она.

– Такой грипп, мисс Маклауд, был известен задолго до открытия вирусов. Он называется токсикозом.

Лейни, оцепенев, молча смотрела на него.

– Вы это серьезно? – едва слышно переспросила она. – Я беременна?

Увидев ее потрясенное бледное лицо, он мгновенно смягчился:

– Вы расстроены, мисс Маклауд? По-моему, вы должны быть счастливы.

Счастлива? Счастлива, что о ее грехах будет болтать весь город? Счастлива, что теперь до конца жизни придется платить за единственную ошибку? Счастлива, что и невинным детям придется платить за ее ошибку?

– Я не замужем, – выпалила она и, встав, подошла к окну. Офис доктора был на первом этаже медицинского комплекса. Мимо по тротуару спешили люди. Грузовичок быстро проехал на желтый свет. Дама в седане уговаривала золотистого ретривера сесть на заднее сиденье. Медленно продефилировали влюбленные подростки, обняв друг друга за талию.

Обычная жизнь. Нормальная. Но разве что-то может быть нормальным? Она беременна от человека, имени которого не знает!

– Отец… – начал он.

– Недосягаем.

Ты так красива, Лейни…

Доктор деликатно кашлянул, прикрыв рот рукой.

Лейни чувствовала себя полной дурой. Потому что прекрасно знала, о чем думает доктор. Она достаточно взрослая девочка, чтобы уметь предохраняться. Так глупо залететь по неведению! Но она никогда не заботилась о противозачаточных средствах, поскольку считала себя бесплодной. Кроме того, у нее не было мужчины до…

– Нужно что-то решать в течение нескольких дней, – спокойно сообщил доктор. – Пока мы еще можем прервать беременность. Но времени осталось немного.

– Аборт.

При одной этой мысли ее скрутил новый приступ тошноты.

– Нет. Это невозможно.

Не могу представить, чтобы такая прекрасная и необыкновенная женщина, как ты, упала с неба мне в руки…

– В наше время это не столь ужасное испытание. Мы…

– Нет! – вскрикнула Лейни, отворачиваясь от окна и хватая сумочку. – Я никогда не смогла бы сделать это. Спасибо, доктор, – поспешно бормотала она, желая одного: поскорее уйти и хорошенько все обдумать.

– Я позвоню в аптеку, пусть выпишут таблетки от токсикоза и витамины с железом. У вас легкая анемия.

– Спасибо.

Она почти забыла о том, что, собственно, и привело ее к нему: изнурительные приступы тошноты по утрам и вечерам и постоянная свинцовая усталость. Ей в голову не приходили мысли о беременности. Она уже давно смирилась с мыслью о том, что детей у нее не будет никогда.

– Когда будете уходить, обратитесь к медсестре в приемной. Поскольку это ваша первая беременность, я хочу видеть вас раз в месяц.

Доктор обошел стол и взял ее за руку:

– Если я чем-то могу помочь…

Он не договорил.

– Спасибо, – снова поблагодарила она, но покачала головой. Договорилась с медсестрой о времени следующего приема, выслушала сердечные поздравления и ушла.

В Саннивейле был час пик, который, строго говоря, был не часом, а длился от пяти до пяти пятнадцати каждый рабочий день. Оживленный, довольно крупный город был окружен сотнями миль плодородной земли.

Лейни втиснулась в маленький подержанный автомобильчик и поехала по главной улице. Город мог похвастаться десятками сетевых забегаловок фаст-фуд, но именно в кафе «Озарк» можно было полакомиться гороховым супом по-домашнему, ароматным кукурузным хлебом и восхитительным банановым пудингом. Был в городе и обязательный универмаг «Джей-Си Пенни»[2], но большинство магазинов вокруг городской площади принадлежало собственникам, открывшим семейное дело. Здесь всё про всех знали.

Как знали и то, что новая воспитательница детского сада была незамужней молодой женщиной. Через несколько недель все узнают, что она беременна.

Лейни остановила машину на подъездной дорожке, посыпанной гравием, ведшей к своему арендованному дому, и прижалась головой к рулевому колесу.

– Что мне делать? – спросила она с тоской.

Прикоснись ко мне, – снова всплыло где-то в подсознании.

– Я потеряю работу. И что потом?

О боже, Лейни. Да, милая, да. И никогда не бойся коснуться меня.

Лейни зажмурилась и попыталась отсечь неумолимый внутренний голос.

Допустим, я могу сказать, что была замужем, но потеряла мужа.

Твои груди прекрасны. Ты знаешь это? Идеальные размер и форма. Лейни, Лейни…

– Прекрати! – завопила она в потолок машины. И поняла, что задыхается. На верхней губе выступил пот.

Она накрыла груди ладонями, чтобы больше не ощущать ласк, не чувствовать, как твердеют соски, словно под его поцелуями.

– Прекрати, прекрати, пожалуйста, – простонала она.

Эти обрывки воспоминаний преследовали ее с того утра, почти три месяца назад, когда она вышла из его квартиры. И теперь они все чаще возникали, как охотники, неумолимо смыкающиеся вокруг добычи. Постоянно маячили на краю сознания, возникая из укрытия.

[2] JC Penney – одна из крупнейших сетей супермаркетов в США для среднего класса. В ассортименте представлены все товары народного потребления: от хлеба до отвертки.

Больше не опасаясь быть увиденными. Но она не хотела смотреть. Не хотела вспоминать. Господи, не хотела!

Лейни открыла дверь и побрела к крыльцу. Дом был старым, странноватым и маленьким, но она его любила. Прихожая открывалась в залитую солнцем гостиную с широкими окнами. У дальней стены возвышался кирпичный камин. Крохотная, служившая столовой ниша вела в уютную кухню. На другой стороне дома размещались две спальни с ванной между ними.

Она согласилась снять дом, как только его увидела, и получила разрешение хозяйки вносить все разумные изменения, какие пожелает. Первое, что она сделала – натерла вручную деревянные, безобразно запущенные полы. Выкрасила стены в яркие жизнерадостные цвета и обставила дом недорогой, но изящной мебелью.

Единственная комната, до которой пока не дошли руки, была вторая спальня. Может, она выкрасит ее в выходные. Но сначала нужно спросить доктора. Вряд ли ребенку полезно вдыхать пары краски!

Рука замерла на сумочке, которую она положила на столик. Ребенок. Она назвала *это* ребенком? Ее малыш. Скоро у нее появится кто-то, кого она полюбит всем сердцем. И тот, кто полюбит ее. И она вдруг заплакала и засмеялась одновременно. Потому что всей душой хотела этого ребенка. Тогда ее жизнь не будет так пуста. Она разделит ее с маленьким человечком.

Школьный совет можно убедить оставить за ней место. А если они откажутся, Лейни уедет в другой город. Ничто не помешает ее счастью! У нее будет маленький!

– Это, кхе-кхе… Э… сюрприз, чтобы не сказать больше, мисс Маклауд!

– Миссис Маклауд, – твердо поправила она мистера Харпера. Она попросила директора школы и комиссара просвещения о встрече в то утро, как узнала о беременности. Лучше пройти крещение огнем как можно раньше. Скоро беременность станет заметна.

– Как я сказала, мы с мужем временно живем врозь, и после разъезда я предпочла пользоваться девичьей фамилией.

Директор и комиссар переглянулись. Оба молчали. Директор промокнул потный лоб. Это он нанял Лейни Маклауд, и теперь боялся, что придется отвечать за этот кошмар.

– И вы говорите, что… э… собираетесь рожать ребенка?

Лейни облизала губы. Самый скользкий момент. Как убедить их, что она спала с мужем, от которого уехала?

– Да, я… Это была одна из… Ну, вы понимаете, мы пытались помириться… – слабо улыбнулась она. – Ничего не вышло, но в результате того славного уик-энда я забеременела.

Теперь уже и комиссар стал потеть и тоже откашлялся.

– Думаю, все понятно.

Он глянул на директора, который утвердительно закивал.

– Так что же вы просите?

– Я хочу продолжить работу с детьми, – смело сказала она. Лучше держаться уверенно. – Ребенок родится в марте. Как раз во время школьных каникул. К тому времени вы найдете мне замену, чтобы дотянуть до конца учебного года. А потом как-нибудь выкрутимся…

Мистер Харпер промолчал, не собираясь принимать решение без комиссара.

Тот уничтожающе глянул на Лейни.

– Но это не слишком прилично. Как вы себе это представляете? Незамужняя учительница начальной школы, которая… э…

– Беременна, – докончила предложение Лейни. – Да я тоже не ожидала, что это случится, но дело обстоит именно так, и я все равно хочу остаться здесь. Семестр только что начался, а у меня в программе столько интересного! Я люблю своих учеников, и они это

знают. Думаю, что и они отвечают мне взаимностью. У меня прекрасные рекомендации с места прежней работы в Талсе. Я всегда могу вернуться туда.

Втайне она в этом сомневалась, но звучало вполне убедительно!

– Если вы меня уволите, придется срочно искать новую учительницу, а у нее может не оказаться моего разностороннего опыта и эрудиции. Даже если вы найдете достойную замену, ученикам понадобится время, чтобы адаптироваться. А у них экзамены на носу.

Она глубоко вздохнула.

– Я знаю, это необычно. И понимаю ваше сложное положение. Но я квалифицированный преподаватель. И это должно быть вашей главной заботой.

Как оказалось, она была права.

Посовещавшись с глазу на глаз, они вошли в классную комнату, где она прикрепляла постеры с космическим шаттлом на доску объявлений. Оба широко улыбались.

– Конечно, вы можете остаться, мисс… гм… То есть я хотел сказать, миссис Маклауд, – объявил мистер Харпер, энергично тряхнув ее руку. – Если кто-то спросит, мы просто перескажем ваши слова. Вы временно разъехались с мужем.

Она уже хотела поправить его на предмет «временно», но передумала. Ей удалось зайти так далеко. Если они так оптимистично приняли версию несуществующего мужа, это их проблема.

Дни становились заметно короче. К тому времени как она вымыла пару оставшихся от ужина тарелок и вошла в гостиную, чтобы разжечь огонь в камине, за окном уже стемнело. Ветви двух дубов в переднем дворе гнулись и шелестели под беспощадным ветром. Синоптики предсказывали, что к утру температура опустится ниже нуля.

Лейни легла на диван и подняла ноги на подлокотник. Какое блаженство! В школе приходилось проводить на ногах почти весь день.

Она улыбнулась и провела рукой по набухающему животику. Учеников очень заинтересовал вопрос появления будущего младенца. Они постоянно просили разрешения коснуться живота. Иногда платье мусолили до тридцати пар липких влажных ладошек одновременно. Но ей это нравилось. Потому что она любила малыша.

У нее были нерешенные дела. Сегодня прибыло письмо от доктора Тейлора с извещением, что все счета оплачены. Ошибка, которую необходимо исправить. У нее записано, что она должна ему еще триста долларов. Но это потерпит до завтра. Как чудесно знать, что можно не шевелиться, никуда не идти.

С довольным вздохом она посмотрела в сторону камина. И затаила дыхание. Было в его свете что-то завораживающее, тревожно-знакомое. Мягкий, золотистый, рассеянный…

Она быстро зажмурилась, прижав руку к колотившемуся сердцу. Но картина по-прежнему стояла даже за сомкнутыми веками.

И вдруг она вспомнила. Вспомнила все! Память накатила на нее гигантским валуном.

В сознании вдруг стали всплывать разрозненные образы: вот она вошла в кабину лифта, а двумя этажами ниже появился *он*. А потом – темнота. Авария была такой же жуткой в воспоминаниях, как и наяву, и она услышала собственный жалобный плач. Сквозь туннель страха до нее донесся успокаивающий голос.

Лейни как наяву снова ощутила прикосновение рук, осторожно, но уверенно снимавших с нее жакет, который она давно повесила в шкаф и больше ни разу не надела. Пуговицы словно отлетали под его ловкими пальцами.

И тут откуда-то всплыло его лицо. Отчетливо. Словно в голове зажегся свет. Он очень красив, и в глазах светятся ум и доброта. Пусть она легла в постель с незнакомым мужчиной. Но ей не стыдно за то, как он выглядит.

Словно со стороны она вдруг увидела, как ее несут по коридору. Рассмотрела обстановку в комнате. Благородные бежево-коричневые тона стен. Мандаринового цвета диван, стоявший островком наслаждений посреди комнаты. Увидела, как лежит на невероятно мягких подушках с бесстыдно разлетевшимися волосами. Глаза влажные, груди натягивают льнущий к ним шелк блузки.

Она снова ощутила вкус бренди. И тепло его губ, жестких и уверенных, на своих губах. Вдохнула свежий аромат мыла, аромат его кожи. Одеколон с цитрусовым оттенком и запахом, таким же чистым и мужественным, как он сам. В ее фантазии его руки были нежными, возбуждавшими ее ласками. Она видела, как покорно следует за ним в спальню, а он пожирает ее глазами, когда она стояла перед ним почти обнаженная. Она не стыдилась и не стеснялась своего тела, как ей всю жизнь внушали. Хотела, чтобы он смотрел на нее и восхищался тем, как она красива.

Вдруг свет снова погас, и она потянулась к нему, боясь потерять, в ужасе от мысли, что он ее оставит. Но этого не произошло. Он пришел к ней, сильный, нежный, готовый защитить, державший в крепких объятиях, шептавший чудесные слова. Целовал ее, пока оба не задохнулись. Осыпал жаркими поцелуями ее шею и грудь.

Потом нерешительно спустил с плеч бретельки лифчика. Она не протестовала. Он расстегнул крючки, отбросил лифчик и провел по теплой атласной коже костяшками пальцем. Положил ладонь на ребра, провел пальцем по мелкой канавке, делившей ее живот. Погладил ладонью пупок, остановился на резинке стрингов. Два пальца играли с кружевной эластичной полоской.

– Да, – выдохнула она.

Его рука скользнула внутрь: он пощекотал ее пушистый треугольничек и коснулся влажного цветка ее женственности.

– Боже, какая ты сладкая, – прохрипел он.

Она подняла бедра, помогая ему стащить прозрачные трусики. Он прижал ее к себе. Какое-то время их сердца бились в унисон. Потом он встал, только затем, чтобы сбросить одежду. А когда снова привлек ее к себе, она в полной мере ощутила его наготу кожей и издала стон чисто животного наслаждения. Его возбужденная плоть уперлась ей в живот.

– Зажги свет, – прошептала она.

– Все еще боишься?

– Нет. Хочу тебя видеть. Видеть, как мы смотримся вместе.

Похоже, эта идея очень ему понравилась.

Через секунду их окутал мягкий волшебный свет, в котором все казалось прекрасным. И его тело было прекрасным. Он был величав в своем великолепии: сплошные мышцы и сухожилия и загорелая кожа, припудренная каштановыми волосами. Она с любопытством касалась его груди, плеч и предплечий.

– Мне нравится, как ты выглядишь, – рассеянно пробормотала она.

– Правда?

Он поднес к губам ее руку и легонько лизнул кончики пальцев.

Наслаждение сотрясло ее до кончиков пальцев, пронизывая крохотными молниями каждый раз, когда его язык касался ее плоти. Накрыв ее груди ладонями, он принялся осторожно потирать большими пальцами соски, пока Лейни не забилась в блаженно-мучительных судорогах, прижимаясь к нему…

– О, Дик…

Ее глаза широко распахнулись. Она произнесла его имя вслух. Дик. Она не позволяла себе вспомнить его имя. До этого момента. Дик. Почему в ней нет ненависти к этому имени? Почему оно не оставляет на языке вкуса предательства и обмана?

Лейни дышала так тяжело, словно пробежала целую милю. Она больше не хотела вспоминать. Но сон был слишком хорош, чтобы не досмотреть… и она снова закрыла глаза.

– О, Дик…

– Твои груди прекрасны. Ты знаешь это? Идеальный размер, идеальная форма. Лейни, Лейни…

И он снова завладел ее губами, властно и нежно одновременно. Целовал ее пылко, потом осторожно, с обожанием. Дразнил соски кончиком языка, играл с ними снова и снова, пока она не забыла обо всем, кроме волн экстаза, омывавших ее.

– Ты такая вкусная.

Его губы сомкнулись вокруг соска, втянули медленно и нежно, так нежно в жаркую глубину рта.

Он перекатил ее на спину и лег сверху. Раздвинул ее бедра своими и устроился между ними, твердый и пульсирующий. Она не боялась. Жаждала.

– Поверить не могу, что столь прекрасная и необыкновенная девушка упала с неба ко мне в руки.

Губами он принялся игриво покусывать ее шею, и Лейни с готовностью откинула голову назад, отдаваясь его ласкам. Бедрами она легонько сжала его затвердевшую плоть и с восторгом услышала его одобрительное рычание. В жарком, неистовом поцелуе он припал к ее губам, проникая языком все глубже…

Лейни ощутила, как тело ее раскрывается. Подобно влажным лепесткам цветка, которому пришло время распуститься, тело ее, все ее существо устремилось навстречу ему. Дик почувствовал это – медленно провел ладонями по ее бедрам, любовно сжал ягодицы, затем рука его скользнула меж бедер Лейни. Он принялся ласкать ее кончиками пальцев, пока не довел до полубеспамятства: задыхаясь, она выкрикивала его имя и прижималась к нему с беззастенчивой страстью.

Дик коснулся самого ее сокровенного местечка, убеждаясь в ее готовности. Пальцы его были смелыми, дерзкими, но в то же время нежными. Такими нежными…

И еще он приник губами к ее уху и вкрадчиво шептал чудесные слова ей – поэтичные и чувственные, откровенные и бесстыдные, призывные и изысканные, шелковые слова. Слова. Слова, заставившие ее краснеть и ликовать.

– Уверена, Лейни? Может быть, все-таки не стоит торопиться?

Она перекатила голову по подушке из стороны в сторону.

– Нет, люби меня сейчас, Дик. Просто возьми меня. Люби меня.

Он стал медленно входить в нее – неустанно, но неспешно, словно хотел продлить утонченное наслаждение полного обладания ею.

А потом уперся в барьер ее девственности и замер. И ждал несколько мучительных секунд. Поднял голову и смотрел на Лейни, пока та не открыла глаз. И прочитала в его лице напряжение, страсть, немного гнева, безумную страсть и огромное сожаление.

– Почему ты не сказала мне, Лейни?

Она обхватила его шею и потянула на себя. Ей не терпелось вобрать его всего.

– Хочу, чтобы меня любили. Пожалуйста, Дик. Сейчас!

– Но…

– Дик! – вскрикнула она, выгибаясь. И услышала его вымученное проклятье. Но теперь он не мог отступить. Никакая сила на земле не могла помешать ему взять ее.

Он упрямо давил на преграду, пока не вошел в ее тесное благодатное тепло.

– О боже!

В тихом крике слышались мука и экстаз.

– О, Лейни… Тебе больно?

– Нет! – всхлипнула она сквозь слезы счастья. – Нет! Продолжай…

– Мне так хорошо с тобой, – пробормотал он ей в шею. – Скажи, если что не так.

Но ей не было больно. Ни сейчас и ни потом, когда он хотел уйти, посчитав, что одного раза более чем достаточно для той, кто оказалась девственницей. Когда Дик отказался продолжить любовные ласки, она продолжала настаивать и сделала все, чтобы он не смог встать, обхватив его руками и ногами. Тогда они упали и хохотали как сумасшедшие…

В ту ночь он входил в нее снова и снова, и каждый следующий раз был лучше, чем предыдущий, каждый выпад – восхитительнее предыдущего. И каждый раз он приводил ее к сокрушительному оргазму, только чтобы позволить плавно опуститься на землю и скользнуть в его любящие объятия.

Теперь Лейни вновь открыла глаза и громко вздохнула:

– Господи!

Она припомнила все, все возмутительные слова и жесты, которые говорила и делала в его постели. Она и не подозревала, что способна на нечто подобное!

Слова, которыми он описывал ее, их тела и все, что они делали, опять обжигали ее. Даже в воспоминаниях. Она закрыла лицо руками, пытаясь стереть мелькавшие в мозгу эротические картины. Дрожала, как в лихорадке, так сильно, что едва смогла встать.

Лейни вышла в ванную, сунула руки под холодную воду и плеснула в горящее лицо. То самое лицо, которое отражалось в зеркале, которое она знала много лет.

Но теперь, после той ночи, оно никогда не будет прежним.

Наконец она осознала в полной мере, почему люди так увлечены сексом. Теперь до нее дошел смысл шуток в учительской.

– О, бедняжка! – восклицали коллеги, когда она объявила о беременности.

– Хотите сказать, эта скотина обрюхатила вас до того, как вы разбежались?

Она отвернулась, чтобы налить себе кофе:

– Все не так уж и плохо. На самом деле я всегда хотела ребенка.

Но они словно не слышали.

– Что взять с мужика?

– Да! Он скажет и сделает все, чтобы затащить тебя в постель, а на следующий день – чао, бамбина, сорри… Вот и вся любовь! – заявила разведенная учительница старших классов, постоянно находившаяся в поиске нового партнера. Ухмыльнувшись, она непристойно развалилась на потрескавшемся виниловом стуле.

– Но этот процесс так увлекает… Пока не закончится, конечно!

Все рассмеялись. Лейни выдавила улыбку.

Теперь приходилось признать, что да, это было здорово. Даже еще лучше. Самое прекрасное, что с ней в жизни случилось! Она никогда не думала, что будет так. Но никогда больше не повторится. Она не стыдилась и не жалела, потому что плодом той ночи стал ее малыш.

Она погладила живот.

– Я так тебя люблю!

Она вдруг сообразила, что даже не знает фамилии Дика. Ему никто не сообщит, что он скоро станет отцом. И это к лучшему. Скорее всего, ему это безразлично. Вряд ли он вообще вспомнит о ней и той ночи. Опытный элегантный мужчина с такой внешностью, живущий в роскошной квартире, никогда не останется без женщины. И Лейни по-прежнему понятия не имеет, женат ли он. При этой мысли она побледнела. Впрочем, весьма сомнительно, что он женат: в квартире никаких следов присутствия женщины.

В то их первое утро она вела себя несправедливо по отношению к нему. Он воспользовался ее состоянием – это неоспоримо. Но ни разу ей не солгал. Сказал правду. Он не сделал ничего против ее воли. Это она цеплялась за Дика, умоляя любить ее.

Почему она повела себя так? Неужели он был так обольстителен? Или она хотела мужских объятий так сильно, что сгодился бы любой?

Сомнительно как-то. Говорят, что даже под гипнозом нельзя заставить человека сделать то, что он не захотел бы сознательно.

И это факт. Она хотела заняться любовью с этим человеком и воспользовалась своей истерией и повышенным градусом в крови как предлогом его заполучить.

Она твердила себе, что все случившееся ничего не значит для них обоих. Низменные страсти – с его стороны. Материнский инстинкт – с ее. Вот и все. Средство получить ребенка, которого она не надеялась иметь. И хотя бы по этой причине нельзя жалеть об этом. Но и зацикливаться на происшедшем не стоит. Малыш – это нежданный дар. Прими это и забудь обо всем остальном.

Ах, если бы она могла!

Прикоснись ко мне.

Ее пальцы запутались в поросли на его груди, сужавшейся до узкой дорожки на плоском упругом животе.

– Возьми его. О боже. Лейни!

Он был твердым и теплым и полным жизни, готовой вырваться наружу.

– Да, милая, да… никогда не бойся коснуться меня. Коснись меня, коснись, коснись…

– Я хочу его коснуться.

– Нет, я!

– Он шевелится.

– И вовсе нет!

– Да! Он толкается, мисс Маклауд?

Лейни терпеливо отводила от живота жадные ручонки.

– Да, шевелится, и хватит меня трогать!

Но дюжина или около того ребятишек, толпившихся вокруг и наступавших на ее черные замшевые сапоги, дружно заныли.

– Кроме того, ребята, – строго добавила она, пытаясь перекричать вопли, – перемена кончилась и пора идти в класс. Помните, что после обеда мы собираем наши рождественские чулки.

– Нечестно! Я так и не дотронулся до малыша! – пожаловался кто-то, когда Лейни выстроила ребятишек по двое.

– Может быть, завтра, – рассеянно пробормотала она, считая их по головам.

– Я тоже хочу коснуться малыша.

Лейни окаменела. Она не могла взять в толк, почему узнала голос. Прошло больше шести месяцев с той ночи в Нью-Йорке. Но она мгновенно поняла, кто стоит за спиной. Кто застал ее врасплох.

Она повернулась.

Он стоял всего в двух шагах и улыбался. И выглядел в школьном дворе на редкость неуместно. На нем было дорогое пальто из серо-зеленой шерсти, оттенявшее глаза. Воротник был поднят и обрамлял мужественное лицо и взвихренные ветром каштановые волосы с седыми прядками.

– Выглядишь изумительно, дорогая.

Лейни стояла неподвижно, как манекен, и даже не сопротивлялась, когда он выступил вперед, сжал ее холодные щеки теплыми ладонями и поцеловал.

3

Поцелуй был тоже теплым, целомудренным и бесконечно нежным.

Когда он отстранился, она заметила, что глаза сверкают лукавством и восторгом при виде ее немого удивления.

Наконец он отстранился и опустил руки. Лейни поспешно отступила.

– Что вы себе…

– А, чудесно! Вижу, вы ее сами нашли!

К ним спешил мистер Харпер, широко и облегченно улыбаясь.

– Она в классе, как я и сказал вам. Верно, мистер Сарджент?

Так вот, значит, как! Сарджент. Дик Сарджент.

– Действительно так.

Даже отвечая директору, Дик продолжал бесстыдно рассматривать Лейни.

Она отвернулась от этого голодного взгляда и обратилась к мистеру Харперу.

– Интересно, почему мистер Сарджент искал меня?

Сумеет ли она держаться с апломбом, как ни в чем не бывало? Сделать вид, что она не узнает его и не помнит? Пожалуй, стоит попытаться.

– Полегче, Лейни, – пробубнил он себе под нос.

– Ну-ну… конечно, он искал вас, – заикаясь, пролепетал мистер Харпер. – Ваш муж пришел ко мне в кабинет и сказал, что вы помирились. Мы все рады это слышать. И как раз к Рождеству!

Хмыкнув, он сложил руки на животе и просиял доброй улыбкой.

– Это муж мисс Маклауд! – пропищал кто-то из детей.

– Она не замужем, потому что мисс, а не миссис!

– Она «мисс», дурак, неужели не знаешь? И конечно, она замужем, потому что у нее будет ребенок.

– Да, моя ма сказала, что сначала нужно выйти замуж, а потом у тебя будет ребенок.

– А вот и нет.

– А вот и да!

– Муж? – прохрипела Лейни, отворачиваясь от детей.

– Вижу, вам непривычно снова видеть его рядом, – рассмеялся мистер Харпер.

– Привыкнет, – вкрадчиво пропел Дик. – Дорогая, дети, наверное, замерзли. Кстати, здесь кто-то упоминал о ланче. Что сегодня в меню?

– Пицца, – сообщил стоявший первым мальчик.

– И салат.

– Но никакого мороженого? – спросил Дик, улыбаясь в лица, полные неприкрытого любопытства. – Что скажете, если сегодня я всех угощу мороженым?

Это заявление оказалось последней каплей, переполнившей чашу эмоций. Дети словно обезумели. Строй, который пыталась сохранить Лейни, немедленно распался. Ее окружили и стали наперебой просить мороженого. Она приросла к месту, чувствуя, как медленно рушится фундамент ее жизни. Понимая, что она бессильна остановить катастрофу.

– Дети, дети, помните, только не бегать! – возопил мистер Харпер, устремившись за малышами, наперегонки побежавшими к двери. – Идите спокойно, пожалуйста!

– Давай уйдем с этого ветра, Лейни. Не хватало еще, чтобы ты простудилась.

Но окончательно сбитая с толку Лейни молча уставилась на него. Тогда Дик сжал ее локоть и повел к зданию.

Не будь она так зла, возможно, рассмеялась бы над происходившим здесь фарсом. Но сейчас только вырвала руку.

– Не знаю, что вы затеваете, но…

– Но вам лучше не протестовать, поскольку мистер Харпер счастлив, что мы снова вместе.

Его ослепительная улыбка противоречила жестким ноткам в голосе.

Она глянула в сторону входа. Дети уже входили в здание. Директор, глупо ухмыляясь, придерживал тяжелую дверь. Ей хотелось врезать ему по довольной масляной физиономии. Хотелось топать ногами, вопить, рвать на себе волосы.

Но она едва ли не с детства приучилась держать свои эмоции под контролем. Не стоит выставлять себя идиоткой, обнаруживая свои чувства.

Поэтому она сверлила Дика Сарджента разъяренным взглядом.

– Вам это с рук не сойдет, – прошипела она уголком губ.

Он взял ее руку и переплел ее пальцы со своими.

– Уже сошло.

Он оказался прав. Если она не хочет устроить сцену в присутствии мистера Харпера, придется идти с ним.

Конец дня показался ей скверной пьесой. Комедией, в которой свои роли знали все, кроме нее. Она пыталась найти правильный тон и нужные реплики, хотя все выходило глупым и бессмысленным.

За ланчем в кафетерии, полном шумных непоседливых детишек, она сидела напротив человека, который пил дорогой бренди и владел работой Лероя Неймана[3]. Сейчас ей определенно было не по себе при воспоминании о подробностях висевшей над камином литографии. Этот человек отведал резиновую пиццу и увядший салат с таким воодушевлением, словно перед ним поставили изысканные блюда из ресторана «21». Да еще и улыбался ей, не обращая внимания на заляпанную пластиковую столешницу, загроможденную пластиковыми подносами и грязной посудой. В центре стола грустными часовыми возвышались пузырьки с искусственным подсластителем, закрытые снизу пробками солонки и треснувшие салфеточницы. И все же он явно чувствовал себя как дома!

Он постоянно касался ее. Приносил еду и напитки, угадывая каждое ее желание, пока ей от раздражения не захотелось наплевать на чувства собравшихся и оглушительно громко кричать на весь зал. Только присутствие других преподавателей, следивших за ней с мечтательным видом, удерживало от того, чтобы швырнуть поднос на его колени, чтобы посмотреть, как он станет улыбаться в этом случае!

– Боже, – прошипел кто-то ей на ухо, – вы в своем уме?!

– Что?

Лейни обернулась. Сзади стояли две самые заядлые охотницы на мужчин и жадно наблюдали, как Дик раздает брикеты с купленным для детей мороженым.

– Неужели упустите его? Неужели не попытаетесь вернуть? Хоть ненадолго!

– Солнышко, я бы даже смирилась с побоями, только бы удержать его в своей кровати.

– Он супер. Абсолютный отпад!

– Да почему вы вообще от него ушли? Я бы ползла за ним в веригах на четвереньках!

Лейни прошла точку кипения еще несколько минут назад. И даже немного успокоилась. Поверят ли они правде?

– Впервые я встретила его, когда застряла в лифте. У меня началась истерика. Он отвел меня в свою квартиру, опоил бренди и воспользовался моим беспомощным положением, раздев, утащив в постель и занимаясь любовью, как кролик, всю ночь.

Они уставились на нее как на сумасшедшую:

– И что? Это было так плохо?

---

[3] Лерой Нейман – американский художник-абстракционист.

Весь день ее ученики озорничали, возбужденные приближавшимися каникулами и появлением человека, который, по их мнению, соперничал с самыми неотразимыми героями любимых телесериалов. К тому времени, как прозвучал последний за этот день звонок, Лейни была совершено вымотана, физически и умственно, не говоря уже об эмоциональном состоянии.

Почему он здесь? Зачем искал ее?

– Готова, дорогая?

– Я вам не «дорогая»!

Она бесцельно перебирала бумаги на столе, пока все дети не ушли. Только тогда развернулась и дала волю ярости, копившейся весь день.

– И прекратите так меня называть. Почему вы здесь? Как нашли меня и что хотите? Мне требуется объяснение, черт побери!

– В таком случае – мне тоже! – отпарировал он.

Взрыв его негодования испугал ее, и она в злобном молчании принялась швырять вещи в сумочку. Он держал ее пальто. Ничего не оставалось, как принять его помощь. Дик застегнул все пуговицы, глядя ей в глаза и словно подначивая запротестовать. Но Лейни снова промолчала. Они вместе вышли и зашагали по пустому коридору, пахнувшему чернилами, пастой для фломастеров, мятой и пропотевшей шерстью.

Выйдя на улицу, она немедленно направилась к парковке. Рядом с ее потрепанной малолитражкой стоял элегантный коричневый «Кадиллак». Можно не гадать, кому он принадлежит.

– Я ничем вам не обязана, мистер Сарджент. И ничего не должна. Даже объяснения. Ничего. Вы зря потратили время, добираясь сюда, и буду очень благодарна, если больше меня не побеспокоите.

Произнося блестящую заключительную речь, она отпирала дверь. А теперь выпрямилась, с холодной снисходительностью взирая на Дика. Тот по-прежнему улыбался.

– Я провожу тебя до дома.

Легонько ущипнул ее за щеку, обошел ее машину, открыл дверь и перед тем, как сесть, добавил:

– Кстати, Лейни, не пытайся оторваться. Мне известно, где твой дом.

Она выругалась, хлопнула дверью, прокляла долго прогревавшийся двигатель: вот мотор «Кадиллака» завелся сразу, – прокляла заодно школьный автобус, за которым пришлось тащиться, прокляла мужчину, собиравшегося разбить ей жизнь.

Он поставил свою машину за ее малолитражкой и подошел к крыльцу раньше Лейни. Она с ужасом наблюдала, как он вынимает из кармана ключ и открывает дверь.

– Где вы это раздобыли? – процедила она, стоя на нижней ступеньке.

– Входи скорее, Лейни. Холодно.

– Отвечайте! Откуда у вас ключ от дома? И будь я проклята, если войду туда с вами!

Он раздраженно вздохнул и сбежал вниз.

– Чувствую, сейчас начнется сцена. Предпочитаешь устроить ее прямо здесь? Представляю заголовки в газетах! «НАЗОЙЛИВЫЙ НЬЮ-ЙОРКЕЦ ПРИСТАЕТ К УЧИТЕЛЬНИЦЕ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ПРЯМО НА ЕЕ ЖЕ ГАЗОНЕ!» Ты это хочешь прочитать в завтрашних выпусках? Или предпочтешь быть благоразумной и протащить свою миленькую попку через проклятую дверь, прежде чем я внесу тебя на руках?

Он прав. Она протиснулась мимо Дика, но остановилась, едва переступив порог. Посреди гостиной стояли два чемодана. На медной вешалке висел плащ. К ножке дивана была прислонена ракетка для рэкетбола. На журнальном столике лежал портфель.

Дрожа от бешенства, она медленно повернулась к нему.

– Собирайте вещи и вон из моего дома!

– «Моего дома»?

Он снова пошарил в кармане и, вытащив расписку, помахал перед ее носом.

– Ты сняла его только на полгода. В следующий раз лучше обращайся за советом ко мне. Так или иначе, в следующем месяце срок аренды заканчивается. Я заплатил за этот месяц, подписал новый договор еще на шесть месяцев, потому что к этому времени родится ребенок и нам понадобится больше места. И заплатил за весь срок сразу. Теперь по закону ты можешь вышибить меня до конца следующего месяца, пока не истечет срок твоей аренды, но я проверил, и оказалось, что ты не платила два месяца, поэтому отдал долг за аренду, а также за воду, телефон и вывоз мусора. Думаю, за это я получил право жить здесь с сегодняшнего дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.